

Улица,
которой нет

Элиаш Гурский

Улица, которой нет

«Автор»

2026

Гурский Э.

Улица, которой нет / Э. Гурский — «Автор», 2026

Париж 1970-х. Ночной таксист Жан-Поль, проработавший за рулём двенадцать лет, привык к тому, что пассажиры — это просто лица в зеркале заднего вида. Они садятся, называют адрес, платят и исчезают. Но однажды октябрьской ночью он подбирает девушку, которая называет несуществующий адрес и просит просто покататься. Она не говорит, от кого бежит. Он не говорит, что уже давно не живёт, а просто крутит баранку. Но за одну ночь они успевают объехать пол-Парижа, выпить кофе на Монмартре, увидеть рассвет над Сеной — и понять, что иногда самый важный разговор в жизни происходит с незнакомцем в старой машине. «Улица, которой нет» — это городская новелла о людях, которые ищут убежище в мире, где его, кажется, не осталось. О том, как привычка молчать убивает голос. И о том, что даже в самом циничном таксисте может проснуться тот, кто готов слушать.

© Гурский Э., 2026

© Автор, 2026

Элиаш Гурский

Улица, которой нет

Николло Костеллини (псевдоним)

«Улица, которой нет.» 2026.

Меня зовут Жан-Поль, и моя жизнь — это педаль газа, «Житан» без фильтра и бесконечная лента бульваров, уходящих в никуда. Париж семидесятых. Десятилетие, которое уже успело надоесть, хотя ему еще нет и десяти лет. Город воняет бензином, надеждой и дешевым парфюмом. Для туристов — это город любви, Эйфелевой башни и круассанов. Для меня — это восемь метров салона «Ситроена DS», который разваливается быстрее, чем я зарабатываю

на его запчасти. Красавица, а не машина. Богиня. Так ее называли. Только богиня эта страдает артритом, атеросклерозом топливной системы и хроническим недержанием масла. Я кручу баранку уже двенадцать лет. Начал еще при Шарле, при Алжире, когда таксистом быть не было профессией, а способом выжить для тех, кто не захотел стрелять в арабов. Я не захотел. Не из благородства — просто мне всегда было плевать, кому принадлежит песок, если на этом песке нельзя поставить столик в кафе. Так что я выбрал колеса. В ту ночь моросил дождь, тот самый, парижский, который не моет улицы, а просто размазывает грязь, делая город похожим на акварель, которую уронили в лужу. Октябрь. Время, когда даже фонари горят как-то обреченно. Я только что высадил подвыпившую парочку у «Мулен Руж» — они целовались на заднем сиденье так, будто завтра война, и забыли у меня зонт. Дешевый, китайский, сразу сломался. Я выкинул его в окно на ближайшем светофоре. Бензин кончился. Денег в кармане было ровно на то, чтобы залить половину бака и купить бутылку дешевого красного, которое дерет горло, но греет душу. Я уже собирался ползти в гараж в Клиньянкюре, где снимаю каморку без удобств, но с прекрасным видом на стену соседнего дома.

И тут я увидел её

Площадь Италии. Три часа ночи. Время, когда нормальные люди либо спят, либо добирают последний стакан в баре, либо уже мертвы. Она стояла под козырьком закрытой табачной лавки, кутаясь в длинное пальто, которое было ей велико размера на три. Мокрая, продрогшая, но с таким видом, будто она только что сбежала с премьеры в «Одеоне», а не с помойки. Волосы темные, гладкие, прилипли к вискам. Глаза... глаз я тогда не разглядел, было слишком темно, но мне показалось, что они светятся. Знаю, глупо. Но когда работаешь ночью, начинаешь верить во всякую чертовщину. Например, в то, что однажды пассажир даст чаевые больше пяти франков. Я притормозил. Тормоза заскрипели так, будто я переехал кошку. Она открыла дверцу, и в салон ворвался запах мокрой шерсти и духов — слишком сладких для такого времени суток. Шанель? Герлен? Я в этом не разбираюсь. Для меня существует два запаха: «вкусно» и «воняет». Она пахла «вкусно», но с ноткой чего-то гнилого, как фрукт, который только начинает портиться. Она села на переднее сиденье. Мои пассажиры редко садятся спереди. Им кажется, что таксист — это придаток машины, вроде запасного колеса. А эта села рядом. Повернула голову, откинула с лица прядь мокрых волос и улыбнулась так, будто мы уже были знакомы лет сто. Будто она знает, как меня зовут, сколько у меня любовниц (ни одной) и что я должен был сказать отцу, когда тот умирал от цирроза в больнице Сен-Луи.

— Добрый вечер, — сказала она. Голос низкий, чуть хриплый. Прокуренный или простуженный.

— Доброй ночи, мадемуазель. — Я завел двигатель. Старая богиня кашлянула, но ожила. — Куда едем?

— Улица Анри-Барбюса, — сказала она, глядя прямо перед собой на дворники, которые с усталым отвращением смахивали воду со стекла. — Дом семнадцать.

Я кивнул. Включил счетчик. Щелчок — и мы тронулись.

Я люблю свой город. Не тот, который на открытках, а тот, который вижу я. Ночной Париж — это город для таксистов. Днем он принадлежит туристам, полицейским и старушкам с булочками. А ночью — он наш. Пустые проспекты, желтый свет фонарей, мокрый асфальт, который блестит, как спина негра... простите, как спина африканского танцора. Политкорректность еще не придумали, да и черт с ней. Я крутил баранку, поглядывал на пассажирку. Она молчала. Смотрела в окно. Мимо проплывали витрины с закрытыми ставнями, редкие прохожие, спешащие неизвестно куда, мусорные баки, выставленные к утру.

— Поздно гуляете, — сказал я, чтобы нарушить тишину. Тишина в машине, когда везешь красивую женщину, всегда какая-то тяжелая. Давит на уши.

— Рановато, — ответила она, не оборачиваясь. — Для меня сейчас только начало вечера.

— Работаете в ночную смену?

Она усмехнулась. Коротко, без веселья.

— Можно и так сказать. А вы? Всегда работаете?

— Когда есть бензин — работаю. Когда нет бензина — пью вино и мечтаю, чтобы у меня был бензин.

— И о чем еще мечтает парижский таксист?

Я задумался. Вопрос был простой, но почему-то заставил меня перебрать в голове все, что я обычно гоняю по кругу. Женщины? Нет, уже не те годы. Деньги? Конечно, но о деньгах мечтать скучно, это как мечтать о туалетной бумаге — нужная вещь, но не поэтичная.

— Чтобы однажды пассажир не блеванул мне на заднее сиденье, — ответил я честно. — Это вершина моих мечтаний. Чистое, не заблеванное будущее.

Она засмеялась. Громко, искренне, запрокинув голову. И смех у нее был хороший, не наигранный.

— Вы странный, — сказала она.

— Я нормальный. Это мир странный. Я просто вожу его по ночам.

Я свернул на бульвар Сен-Жермен. Мокрые листья прилипали к стеклу. Она достала сигарету, длинную, тонкую, не из нашего табака.

— Можно?

— Это ваши легкие. Мое дело — везти.

Она прикурила от зажигалки, которая, судя по гравировке, когда-то была чьим-то подарком. Щелчок, огонек осветил ее лицо на секунду. Красивое. Не та красавица, которая с обложки журнала, а та, которая бывает у женщин, которые много видели и мало чему удивляются. Лет двадцать пять, может, чуть больше. Глаза темные, огромные, с тенью под ними, будто она не спала неделю. Или плакала неделю. Или не спала и плакала одновременно.

— Давно ждали? — спросил я.

— Что?

— Такси. Давно стояли под дождем?

— Не знаю. — Она пожала плечами. — Время — штука относительная. Может, пять минут. Может, всю жизнь.

Философ. Обожаю философов. Особенно тех, кто платит по счетчику.

Мы проехали мост. Сена внизу черная, маслянистая, равнодушная. На мосту никого. Только мы, «Ситроен» и дождь.

— Знаете, — сказала она вдруг, — я люблю мосты. У них есть одно замечательное свойство.

— Какое?

— Они соединяют берега. Но если хочешь умереть, с них удобно прыгать.

Я покосился на нее. Она смотрела на реку. Лицо спокойное, как у статуи.

— Вы намекаете, что я должен ехать помедленнее, чтобы вы успели выпрыгнуть? Или побыстрее, чтобы не мучиться?

— Я просто говорю. — Она выпустила дым в приоткрытое окно. Дым смешался с дождем.

— Это город самоубийц, Париж. Вы не замечали?

— Я замечаю, когда у меня бензин кончается. Остальное меня не касается.

Она снова усмехнулась. Я въехал в тринадцатый округ. Здесь дома пониже, улицы поуже, фонари поганее. Нормальный такой район для рабочего класса, который вкалывает, чтобы платить налоги тем, кто вкалывает еще больше, чтобы их собирать.

Я свернул на улицу Анри-Барбюса. Точнее, попытался свернуть.

— Черт, — сказал я, останавливаясь.

— Что?

— Ее нет.

— Кого?

— Улицы.

Я вышел под дождь, чтобы убедиться. Стоял посреди перекрестка, смотрел на таблички. Улица Гласьер. Улица Бобур. Тупик Бенедиктинцев. Улицы Анри-Барбюса не было. Вообще. Ни таблички, ни дома, ни даже намек на существование.

Я сел обратно в машину. Промок. Ругался про себя, но вслух сказал спокойно:

— Мадемуазель, вы ошиблись адресом. Такой улицы нет в Париже.

Она посмотрела на меня. И улыбнулась. Медленно, как кошка, которая только что съела канарейку и теперь размышляет, не съесть ли заодно и хозяина.

— Я знаю, — сказала она.

— В смысле — знаете?

— Я знаю, что ее нет. Я просто хотела прокатиться.

Я выключил счетчик. Молча. Повернулся к ней.

— Слушайте, мадемуазель, я, конечно, понимаю, что ночь, дождь, романтика, Париж... Но у меня бензин на исходе, а ездить просто так по городу, любуясь фонарями — это удовольствие для тех, у кого есть любовник с «мерседесом» и собственный нефтеперегонный завод. Я человек простой. Я везу туда, куда скажут. Если вы не знаете, куда вам надо — я, конечно, могу отвезти вас обратно на площадь Италии. Бесплатно. В качестве жеста доброй воли и потому что вы красивая и промокли.

Она молчала. Смотрела на меня. Дождь барабанил по крыше. Тишина в машине стала такой плотной, что ее можно было резать ножом, жарить и есть

— А знаете что? — сказал я. — Давайте поступим иначе. Я предлагаю вам сделку.

— Какую?

— Вы рассказываете мне, почему в три часа ночи красивая девушка стоит под дождем в пальто на три размера больше и называет адрес, который не существует. А я... я буду вас слушать и везти, куда скажете. В пределах разумного. И за наличные, разумеется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.